

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ПРИ СВЕТЕ СНЕГА

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІ

Все, что мной пережито - рассказано,
Слезы - это не бисер летать,
И людей наемной наказанья,
Я в глухую ушья благодарить.

Хуже нет быть го зонтика пнятам
Или вытаскающей го конца,
И в драву с головою приподнятой
Я спускаюсь с шилом крыльца.

Пробираюсь крапивными себрюшми,
Подхожу к одишкы сямне,
Нигде я не знаю о дереве,
И око - нигде обо мне

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ПРИ СВЕТЕ СНЕГА

СТИХОТВОРЕНИЯ 2000 ГОДА

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММІ

ББК 84. Р7
Л 63

Марка издательства работы
Сергея Семенова

КОСТЕР НА СНЕГУ

— Забудь об огне и не помни огня! —
Костер говорит кусту.
— Забудь обо мне и не помни меня! —
Я говорю костру.

Тетрадки ли жгу, чья безумная былль
Опасней огня была?
И пахнет зола, как паленая пыль
Из-под копыт осла

На въезде в бакинскую крепость. Иль то
Ворота в Иерусалим?
И кутаюсь я в меховое пальто,
В беспамятство, в снег и дым,

И машет костер мне кошачьим хвостом,
И я сказать не могу,
Тетрадки ли жгу перед голым кустом
Иль мусор обычный жгу.

Но лето настанет, и вспыхнет жасмин,
И в белом его огне
Вспомнит пчела и выпьет в помин
Выжженного во мне.

Жила и пела нараспашку
И без оглядок,
Но допиваю свою чашку
И вижу в ней осадок

Нечистой тайны, да и черной
Вины, и жути
Быть в этой тайне уличенной...
Лучеобразны прутья

На низких окнах, но кого же
Они обманут?
Решетчатой железной кожей
Вид из окна обтянут.

А там все небо нараспашку.
Но так ли это?
Мороз из снега лепит пташку
Искрящегося цвета,

А тайны в облаке сокрыты,
Как в каждой твари.
Полевки целы, кошки сыты,
Жива и я во хмари.

И, говоря высокопарно,
Я жизни чашу
Не допила, и луч янтарно
Пронизывает чашу

Годов, деревьев и решеток,
И сей осадок,
Куда мороз глядит, как отрок
В одну из тех тетрадок,

Где нет решения задачи,
Что задана другими...
Смеется старец, отрок плачет
Над страхами моими.

ТРИПТИХ НОВОСЕЛЬЯ

1

Жизнь обобрана до нитки,
До снежинки, до звезды...
А на самом деле это
Гордой старости попытки
Обнажить свои следы.

Стебли, венчики, коренья,
Приворотная трава...
А на самом деле это
Кроткой старости корпенье
Как-нибудь связать слова.

Драгоценные каменья
В ржавом горле кирпича...
А на самом деле это
Горло тьмы и венчик света, —
Смерть Ивана Ильича.

2

Мы думаем — туннель, а это долгий стебель,
И на конце его оранжевый цветок,
Но нам о смерти рано!
Заправили постель и растолкали мебель,
В окне звенит капель, а слышится осанна, —
Нам повезло, браток.

Зачем в ознобе дней нам толковать о смерти,
Чей стебель есть туннель со вспышкой в тыщу ватт?
Но что тогда деревья?
Качают снегирей в лазоревом вельвете
И в клювики суют пустышку недоверья
К сиянью райских врат.

А я, разинув клюв, мелю о лучшем мире,
Для пущей красоты стеблем назвав туннель,
Что мучил Льва Толстого.
Не за стеклом капель, — стекло звенит в квартире,
Где чокаемся мы с тобой до полвторого
В декабрьскую метель.

3

Свет вырубил, и горит свеча.
Мне снится смерть Ивана Ильича,
Как будто бы другой и не бывает.
Свеча горит, да разум убывает.
И лучший друг корит меня за то,
Что я и вру не так и не про то,
Пишу не о своем насущном страхе,
Кормушку скотлив для зимней птахи,
Пишу, беря чужую смерть взаймы,
Средь новоселья жизни и зимы.

◇ ◇ ◇

Господи, дай ему силы
Встретить и эту весну,
Где голосистые пилы
Трогают ель и сосну,

Где низвергаются пылко
Снежные глыбы с домов
Под золотистой развилкой
То ль облаков, то ль веков.

Господи, сделай благое,
Дай ему в лето окно
И горьковато-сухое
Белой березы вино.

Что за дремучая морока,
Что за гремучая звезда
Меня направили сюда,
Где я живу так одиноко,
Как не жила никогда.

Ни собутыльника-соседа,
Ни одноверца по перу...
Лишь кот корябает кору
Сосны, где белка-непоседа
С судьбой затеяла игру.

Ну хоть что-нибудь сделай, в иглу впусти,
Что ли, нитку — прореху зашей!
Это глупости, глупости, глупости
Жить в глуши и страшиться мышей.

Тем не менее, да, тем не менее
Даже мочки от страха дрожат:
Мыши бегают черными тенями
Темной памяти наперехват.

Ну а что мне, а что мне до памяти,
В коей был сумасшедший провал?
Почему вы, хвостатые, правите
И сейчас в моем разуме бал?

А в ответ, а в ответ мне — шуршание
И комочки скользящих теней.
Мне и стены даны в испытание
Несгибаемой жизни моей, —

Из руин поднималась, из разного
Разоренья, и вот тебе на —
Мышь прореху нашла в моем разуме,
И себе я вдруг стала страшна.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ БАБОЧКИ

В этом лесу не нашли бы волхвы ночлега.
Но, не забывшие с горней средою родства,
Кружатся бабочки, кружатся бабочки снега —
Нежные вестницы русского Рождества.

Кружатся так, что рисуют мне влажные лица, —
Мать и Младенца в овечье-воловьем тепле.
...Гусь, начиненный яблоками, лоснится
Лишь на имеющем твердый достаток столе.

Есть и такие столы в этой хвойно-дубовой,
Смешанной местности, но не о них разговор.
Мы разговляемся в складчину у Ивановой,
Нашей коллеги, живущей через забор.

Нам обсусоливать беды России обидно,
Вот и болтаем о всяческой ерунде.
Кружатся снежные бабочки так первобытно,
Словно пора не настала заветной Звезде.

Мрут на стекле шестикрылые бабочки снега,
Бабочка сердца трепещет, вопросы тая.
Да неужели Звезда закатилась с неба
За календарное время, за край Бытия?

Почтовый ящик — как скворцов обитель,
Он из досок и к дереву прибит.
Но ни один эпистолы любитель
Писать мне не спешит.

Февраль. И до скворцов еще так долго,
Лишь глупенькая белка иногда
В почтовый ящик сунется без толку, —
Откуда в нем еда?

Почтовый ящик или же скворешник, —
Всё может петь — от писем до скворца.
Пою, и мрет во мне мятежный грешник,
Идущий на Творца.

Так больно одиночество дается,
Так больно бьет словотворящий ток,
Что мнится мне: вот так из богоборца
Рождается пророк.

ВМЕСТО ПИСЬМА

Ось земная мне мнится строкой.
И нет-нет, прижимаясь к окну,
Посмеюсь над своей тоской,
Над твоей печалью всплакну.

Всё случилось не так и не то.
Там, где воли гарлемский фольклор,
Отыграло твое шапито,
Мой собрат, мой чудесный жонглер.

До чего же слова ты любил!
На опасном публичном свету
Ты подбрасывал их и ловил,
И местами менял на лету.

Меткий жест и наметанный глаз, —
Ах, зачем ты уехал отсель,
Где свобода — на небе алмаз
И искусства невольная цель.

Говорят, ты весьма постарел —
На ермолку сменил шапито.
Да и что той свободы удел?
Вид на жительство — это не то.

У меня вид на чеховский сад
Русской жизни. Но это ли жизнь?
Вверх корнями деревья стоят,
И поди-ка за них удержишь!

Среди игольчатой чащобы,
Как гробы, горбятся сугробы,
И крупнопорист март.
И в этой в подмосковной хмари
На иглах, словно на гитаре,
Играет ветер-бард.

О чем он воет, серый ветер?
Лоснится карт военных веер
Среди игральных карт.
Приснись, приснись жених невесте,
Но не приснись мне транспорт 200.
О чем он, ветер-бард?

Нет, это я во мгле потерятой,
Склонясь под молодостью мертвой,
И вою и дрожу, —
Мне снится: как в сороковые
Грузила трупы молодые,
Так и сейчас грузу.

Оратора сменил оратор,
Арбу сменил рефрижератор,
Похожий на ломбард,
Где не опознаны останки.
И воет, и пустые санки
Толкает ветер-бард.

СУМЕРКИ

В хвойности тупика
День мой — самоарест:
Кажется, на века
Сумерки этих мест.

Сумерек полон рот,
Руки, глаза, тетрадь.
Бьется сердце вразброд,
Стрелку направив вспять.

И на разрыве дней
Сумеречной зимы
Светит мне все больней
Рыжий фонарь хурмы,

Лампочкою «миньон»
Жжет виноградный свет.
Там, где мой Апшерон,
Сумерек вовсе нет:

Жабры раздув свои,
Каспий во глубину
Солнце вдыхает и
Выдыхает луну.

Как мне прижать к устам
Солнцелунную смесь?
Не ужилась я там,
Не приживусь и здесь.

БЕДНАЯ ИВА

Вечно снится мне море, но давеча
Снилась ива-гадалка,
И прислышалась песня русалочья
И прабабкина прялка.

Не на диво мне горюшко Лизино
И недолюшка жизни, —
Я ведь корнем из дворни Фонвизина,
Из селения Лисни.

Не дивлюсь и терпенью народному,
Ведь и я терпелива.
Жду и верю, как зеркалу водному
Верит бедная ива.

Мы, русские, на мифы падки.
Хоть землю ешь, хоть спирт глуши,
Мы все — заложники загадки
Своей же собственной души.

Змею истории голубим,
Но, как словами ни криви,
Себя до ненависти любим
И ненавидим до любви.

Заздравные вздымая чаши,
Клянем извечную судьбу, —
Болят избранничество наше,
Как свежее клеймо во лбу.

ПРИ СВЕТЕ СНЕГА

1

Столпотворение —
Зима по плечи.
Нет освещения,
И вышли свечи.

Но есть и хлеб в дому,
И печка — рядом.
А как же бедному
Под снегопадом?

К стеклу оконному
Прижала очи, —
А как бездомному
В потоке ночи?

В снегу проплешинки
Голубоваты, —
А как там беженки?
А как солдаты?

2

Столпотворение зимы, —
Снега по плечи,
Нет света, кроме белой тьмы,
И вышли свечи.

В снегу по козырек крыльцо.
Как из ковчега,
Пишу тебе я письмецо
При свете снега.

Пишу о том, что я глупа,
Что, в снег поверив,
Хочу слепить я голубка
Из снежных перьев,

Пишу о том, что, если снег
Светить способен,
Пробьемся мы и в новый век
Между сугробин.

Не вестей мировых телеящик,
Ни алкаш — поселковый аэд,
А мороз, по стеклу рисовальщик,
В эту зиму мне добрый сосед.

Он китайской работает кистью
И рисует мне птичье перо,
А еще — виноградные листья
И родимой воды серебро.

Он рисует и рыб оперенье,
И волну, и спасательный круг,
И дарует мне отдохновенье
От всего, что творится вокруг.

Я в соавторы не набивалась,
Но опять на рассветном стекле
От дымка сигареты осталось
Сердцевидное факсимилé.

Все, что мной пережито, — рассказано.
Слезы — это не бисер метать.
И, людскою насмешкой наказана,
Я в глухую ушла благодать.

Хуже нет быть до доньшка понятой
Или выплаканной до конца,
И в траву с головою приподнятой
Я спускаюсь с гнилого крыльца.

Пробираясь крапивными дебрями,
Подхожу к одинокой сосне.
Ничего я не знаю о дереве,
И оно — ничего обо мне.

Чтобы словесное шитье
Не занавешивало сути,
Чтоб сложной мысли бытие
И вам открылось, и минуте,
Всю жизнь пытаюсь овладеть
Наипростейшими словами.

А это — колокола медь
И облака над куполами...

Быстрее поймет слепой, чем зрячий,
Каким идти ему путем.
Слепая бабочка удачи
Была моим поводырем, —

Но привела меня не к морю,
А в одичалый этот сад,
Где отдаю плебейской флоре
И сердца жар, и мысли чад.

Я зонтичной толкую сныти,
Лишайнику и тростнику
И сны свои, и суть событий,
Благоволящих сорняку.

Чем речи жарче, тем пустее.
Но как пройти остаток дней —
И это, видимо, Психее,
Хоть слепенькая, а видней.

В МАЙСКОМ САДУ

1

Смотришь на дерево — видишь сплошную зелень.
Это ошибка — каждый листок отделен,
Зелень — толпа, но каждый листочек — личность, —
И злободневность своя, и своя античность.

Ах, это дерево, ах, это дерево в мае,
С плотностью населения, как в Китае,
Знает о смене времени, но не места.
Мне ж постоянство места — призрак ареста.

Дерево и не желает менять привычек,
Хоть о различных краях узнает от птичек.
Так для чего мне страдать, принимая за пытку
То, что ни шагу не делаю за калитку?

Разве я дерева лучше, мудрее листочка?
Так для чего мне дорожная заморочка?
И соловей мне внушает, что сад не тесен
Для неподвижно зачатых, но вольных песен.

В каждом листочке мысль о первопричине
Первого сада и о его кончине,
Каждое дерево — повод для размышленья, —
Это ль пустое времяпрепровожденье?

2

Соловьи, мой друг, соловьи.
Се ля ви, мой друг, се ля ви.

И сирень не знает о том,
Почему ты забыл мой дом.

Фиолетов ветвей напор,
Перекинут через забор, —

И сирень пробирает дрожь,
Всякий раз, как мимо идешь.

3

Брачная ночь листвы и дождя,
Шорох и шелест.
Сад, вожделением изойдя,
Шелков и перист.

И неожиданно, как божество,
Лунное млеко.
Кроме любви, и нет ничего
У человека.

В глазах твоих себя узнаёт день,
В глазах моих себя узнаёт ночь.
И ты в саду, где правит светотень,
На бабочках свой ум сосредоточь.

Две разные психеи. Их полет
Несовместим и в сутках, хоть умри, —
Одна с утра до вечера живет,
Другая, с вечера и до зари.

Вот так и наши души, хошь не хошь,
Не существуют как одна судьба:
В глазах моих себя не узнаешь,
В глазах твоих не узнаю себя.

В саду что ни день, то новинка.
Шиповник проснулся чуть свет,
И розочка, как балеринка,
Отважилась на пируэт.

И глупо и несправедливо,
Что, новости сада любя,
Я чувствую так сиротливо
И так одиноко себя, —

Я вижу сквозь вспышки восторга,
Не знающего забытья,
Как время выносит из морга
Отснимшийся сон бытия.

Знай, мой знатный сосед,
Помни, бедный собрат,
Сохраняется след,
Потому что он след,
Не кончается сад,
Потому что он сад.
Схороните меня —
В этом сильном саду,
Нахлебалась огня
Я в цивилильном аду.
Но кончается ад,
Потому что он ад,
Продолжается сад,
Потому что он сад.

У ЛЕСНОЙ ПЛАТФОРМЫ

1

— На части время распалось,
На календарь измельчилось!
— Это тебе показалось,
Ведь ничего не случилось.

— Пространство распалось на доли,
На тропки-грядки разбилось!
— Это твой бред — не боле,
Ведь ничего не случилось.

— На слоги распалось слово,
На буковки раздробилось!
— Это ты нездорова,
Это ты заблудилась.

2

Идешь к платформе огрузло
Под хохот лесных химер,
И мысли не входят в русло,
Время — в размер.

Никак и буковка в форму
Свою не войдет...
Минуя в лесу платформу,
Поезд идет.

Он движется в южный пояс —
В твои молодые дни.
Ах, поезд, ах, скорый поезд,
Повремени!

3

Где лежат твой отец и мальчик,
Там катком сровняли пригорок...
И в лесу от твоих заплачек
Воздух солон, суглинок горек.

Из заплачки речитативной
Вырвись в плавное величанье,
Потому что жизнь непрерывна
И для тех, кто зарыт в молчанье, —

И срастется все, что распалось
На свои составные части, —
Время жизни, пространство жизни,
Море скорби и берег счастья.

Свистульки, трещотки, звонки, гребешки, кастаньеты —
Какое в лесу вавилонское разноязычье!
К Создателю птичьей молитвы и гнезда воздеты,
Отсюда, наверное, все привилегии птичьей.

А что небородные думают о земнородных, —
Не хватает фантазии мне, а тем более знанья.
А птицам известно ль, что несколько точек исходных
Мы взяли у них для старательного подражанья?

Так музыка создана, так создаются поныне
С Икаровых дней все летательные аппараты.
Но прежде — Господни крылатые стражи в пустыне,
И на Арарате — ковчега разведчик крылатый.

Целительна музыка. Флейты, виолы и лютни
Меня примиряют и с тем, что крылаты ракеты.
И я забываю, что дни моей родины люты,
Заслышав свистульки, звонки, гребешки, кастаньеты.

Рвется жизнь по всем возможным швам,
Кровью сердца мысли разогреты:
Боже, как завидую я вам,
Неодушевленные предметы, —

Ни греха, ни страха, ни вины,
Ни завистливого подозренья,
Что и вы душой наделены,
Но у вас поболее терпенья.

Жизнь превратилась в сплошной изумрудный досуг.
Лес мне сегодня — и ангел-хранитель, и друг,
Даже дыхание наше взаимообменно.
Но по утрам, если небо гремит многопенно,
Зеленоглазый мой и многотрепетный, вдруг
Страх на меня нагоняет, рассудок скребя:
Створки окна открываю, как створки моллюска, —
Будто бы лес, губы вытянув трубочкой узкой,
Все содержимое комнаты втянет в себя, —

Втянет, проглотит кровать, гардероб и трюмо,
Кресло и стол, за которым я это письмо
Не дописала тебе и уже не закончу.
Так вот, возможно, густой африканскою ночью
Бросил со страху поэзию нервный Рембо.
В грозы такие в себя прихожу я с трудом,
Трогаю дрожко неодушевленные вещи,
Словно боюсь испугать их, а лес рукоплещет,
Видя, как я обращаюсь с его же ребром —
С деревом, отданным им в услужение мне.

Ливень утихнет, и я, оклемавшись вполне,
Вынесу стул раскладной и горячий кофейник —
В сосны, в шалфей фиолетовый, в желтый лилейник,
И заведу разговор о тебе и стране
Самого бурного моря, где правду любила
Бурно настолько, что прочие чувства убила
И опротивела этим тебе и себе.
Шепчет мне желтый лилейник: «В безумье причина...»
Или бормочет лиловое пламя люпина:
«Дело простое, — оно, дорогая, в судьбе».

Нет, никогда я письмо это не завершу.
Я сверхъестественным чувством уже не грешу, —
Все сверхъестественное завершается крахом.
Я при грозе охлаждаюсь нахлынувшим страхом.
Прежде спешила, теперь уже не поспешу

Створки души раскрывать, словно створки окна,
Или, что хуже гораздо, — моллюсковы створки.
Нет, я не слышу ни моря, ни шума моторки!
Мне повезло! — изумрудные жизни задворки,
Сосен дыхание и тишина, тишина...

СКОПИДОМКА

Меняют кожу змеи и растенья,
А человек меняет точку зренья
И точку проживанья.
Сегодня твое местонахождение
В саду. Но лип июльское каждое
Ты как бы оставляешь без вниманья.

Тебя как бы не трогает погода,
С пчелиной позолотой небосвода.
Но с тщаньем скопидомки
Заносишь ты в свою статью прихода
Буквально всё, что летняя природа
Способна дать на зимние потемки.

По-стариковски копишь горстку зноя,
И облачко жасмина кружевное,
И прочее в его безвещном роде.
И шутишь: старость — дело наживное,
Забыв, что место жительства земное
И время — на исходе.

ЗАТЯЖНОЙ ДОЖДЬ

Поздно мне бредить о дальней дороге.
Месяц июль в предпотопной тревоге:
В нищем краю
Жизнь и безвылазна и непролазна, —
Стрелы воды пробивают алмазно
Кровлю мою.

Крыша течет, но покуда не едет,
Хоть, подражая мне, сумрачно бредит
Ночью и днем:
Где ты, спаситель мой, кровельщик, где ты?
Балки и нервы гнилые раздеты
Голым дождем.

Стекла трепещут, трепещут и пальцы, —
Вот бы податься в бродяги, в скитальцы!
Ветхий мой слог
Пальцы толкают в табачные кольца,
И запоздало звенят колокольцы
Дальних дорог.

ВОРОНА

Ветер качает деревьев верхи,
И на березе ворона
Громко, в раскачку слагает стихи:
Родина, крона, корона!

Царственно мнится ей: это она
Так раскачала березу,
Что междождливая голубизна
Дарит ей желтую розу,

Кажется: держит на черном крыле
Розу осеннего солнца,
Кажется: всё на огромной земле
Царством вороньим зовется.

Я в междождливое небо смотрю,
Вижу всё то, что не снится,
И верноподданно благодарю
Дерево, ветер и птицу.

СЕМЕЙНЫЙ ТРИПТИХ

1

Всю весну мой Адам удивлялся:
Рай на небо не переселялся —
Вот он — в земном саду,
Где гнезда свивают птицы,
Где по шелкам медуницы
За яблоками иду.

2

Слышит он: что-то падает глухо,
Видит он: наклонилась старуха
Падалицу поднять.
И, видимо с перегреву,
Во мне красавицу Еву
Не хочет Адам признать.

3

Вдруг забыл, что и он не ребенок,
И что мальчик наш, наш пастушонок,
Авель воскрес в Христе.
Поэтому нам досталась
Почти что райская старость
В святой ее простоте.

ЛЕТО

Схимница-зима и весна-блудница —
Все прошло, мой друг, но осталось лето,
Где на берегу смоква золотится
И стучит волна в камень парапета.

Чем, скажи, не жизнь — в памяти копать,
Не в ее золе, — в золоте песочка, —
Так вот и до мысли повезет добраться:
Память — есть душа, время — оболочка.

Так вот и поверю в то, что не грешила,
Что судьбы не жгла, не жила в позоре...
Память у меня — золотая жила,
Потому и лето, потому и море...

...Чтобы остаться как псалом.

Липкин

Задремали огни
И дорога рябая...
Мы сегодня одни,
Баю, баюшки, баю.

Так и жили вдвоем,
Но с мечтой разноцельной, —
Ты хотел быть псалмом,
Ну а я — колыбельной.

Ты умел пробуждать,
Я баюкать умела,
Чтоб свое оправдать
Материнское дело.

Всяк внимавший тебе —
Слов твоих совладелец,
А в моей-то судьбе
Всяк живущий — младенец.

И, сквозь рябь ноября
Глядя в непогодь злую,
Мой мудрец, и тебя
Колыбельной балую.

Не ищу причины бедствия
Средь отеческих руин.
Все мы, люди, — только следствия
Нам неведомых причин.

И, с безумьем трезвомыслящим
Принимая, что дано,
Тщусь я жизнь не путать с игрищем,
С кровью — красное вино.

Но когда в сыром свивальнике
Упокоюсь, то со дна
К вам пробьется цветик аленький —
Ерш из крови и вина.

Я воспою тебя, осенняя печаль,
В краю, где ерничество служит одичанью,
Я на плеча твои поношенную шаль,
Как царское наброшу одеянье.

Я воспою тебя за то, что ты одна —
Без почитателей, поскольку ты не в моде,
Я воспою тебя за то, что ты пьяна
От бражки дождика и не внимаешь оде.

Позволь, я в очи загляну твои, печаль,
Увижу сдержанную дымчатость опала
И догадаюсь, что и мне себя не жаль,
И догадаюсь, что не все еще пропало.

7 ноября 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Костер на снегу	5
«Жила и пела нараспашку...»	6
Триптих новоселья	7
«Господи, дай ему силы...»	9
«Что за дремучая морока...»	10
«Ну хоть что-нибудь сделай, в иглу впусти...»	11
Рождественские бабочки	12
«Почтовый ящик — как скворцов обитель...»	13
Вместо письма	14
«Среди игольчатой чащобы...»	15
Сумерки	16
Бедная ива	17
«Мы, русские, на мифы падки...»	18
При свете снега	19
«Не вестей мировых телеящик...»	21
«Все, что мной пережито, — рассказано...»	22
«Чтобы словесное шитье...»	23
«Быстрее поймет слепой, чем зрячий...»	24
В майском саду	25
«В глазах твоих себя узнаёт день...»	27
«В саду что ни день, то новинка...»	28
«Знай, мой знатный сосед...»	29
У лесной платформы	30
«Свистульки, трещотки, звонки, гребешки, кастаньеты...»	32
«Рвется жизнь по всем возможным швам...»	33
«Жизнь превратилась в сплошной изумрудный досуг...»	34
Скопидомка	36
Затяжной дождь	37
Ворона	38
Семейный триптих	39
Лето	40
«Задремали огни...»	41
«Не ищу причины бедствия...»	42
«Я воспою тебя, осенняя печаль...»	43

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
- В. Салимон. Невеселое солнце
- И. Лиснянская. После всего
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов. Лепет
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский. Праздник
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...
- В. Дроздов. Стихотворения
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков. Стихотворения
- Д. Новиков. Караоке
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров. Парафразис
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер
- В. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон. Красная Москва
- В. Зельченко. Войско
- Б. Кенжеев. Сочинитель звезд
- А. Битов. В четверг после дождя
- Л. Лосев. Послесловие
- И. Лиснянская. Ветер покоя
- В. Гандельсман. Долгота дня
- Е. Шварц. Соло на раскаленной трубе
- Т. Кибиров. Интимная лирика
- В. Павлова. Второй язык
- В. Кривулин. Купание в иордани
- М. Ерёмин. Стихотворения
- С. Кекова. Короткие письма
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки
- Д. Новиков. Самопал
- Т. Кибиров. Нотации
- В. Соснора. Куда пошел? И где окно?
- С. Гандлевский. Конспект
- Б. Рыжий. И всё такое...
- П. Барскова. Эвридей и Орфика
- И. Лиснянская. Музыка и берег
- Л. Лосев. Sisyphus redux
- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы

- **В. Гандельсман.** Тихое пальто
- **В. Павлова.** Линия отрыва
- **В. Коваль.** Участок с Полифемом
- **Е. Шварц.** Дикопись последнего времени
- **Б. Ахмадулина.** Пуговица в китайской чашке
- **А. Поляков.** Орфографический минимум
- **Б. Рыжий.** На холодном ветру
- **В. Соснора.** Двери закрываются
- **С. Кекова.** На семи холмах
- **М. Степанова.** Тут-свет
- **П. Барскова.** Арии
- **И. Лиснянская.** При свете снега

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных книг
обращайтесь в издательство по адресу:
191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273-37-24, факс: (812) 273-52-56

В серии книг «Зеркало» вышли следующие тома:

- **В. Яновский.** Поля Елисейские
- **Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- **С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- **В. Соснора.** Дом дней
- **Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- **А. Битов.** Дерево
- **С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- **В. Соснора.** Книга пустот
- **В. Соснора.** Камни NEGEREP
- **И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- **Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

**В серии «Имя собственное»
выпущены книги:**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина
- **О. Шамборант.** Признаки жизни

Все книги серий тиражом до 1000 экземпляров.

Предлагаем читателям также следующие книги:

- **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- **В. Кальпиди.** Ресницы
- **Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- **Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- **А. Ерёменко.** Горизонтальная страна
- **Гильгамеш.** Аккадское сказание
- **А. Цветков.** Дивно молвить

Для приобретения указанных книг
обращайтесь в издательство по адресу:
191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273-37-24, факс: (812) 273-52-56

Л 63

Лиснянская И. При свете снега: Стихотворения 2000 года. — СПб.: «Пушкинский фонд», 2001. — 48 с.

ISBN 5-89803-088-3

ББК 84. Р7

Лиснянская Инна Львовна

При свете снега

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2001

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 21.12.2001 г. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3. Заказ № 1893.

multiprint

ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Отпечатано с готовых диалозитивов в типографии

«Полиграфический центр «MULTIPRINT»

190000, Санкт-Петербург, Прачечный пер., 6. Тел./факс 812 315 33 10

ПУШКИНСКИЙ ФОНД